

Волохов Владимир

Мы в ответе за тех, кого приручили.
Антуан де Сент-Экзюпери

Свет в конце тоннеля.

(рассказ, основанный на романе Стивена Кинга «Блейз»)

I

Лежа на рельсах, в темноте он мучительно пытался вспомнить, как его зовут. Он итак всю жизнь соображал не очень резво, даже можно сказать туго, а сейчас одна лишь попытка вспомнить имя отнимала бесконечно много сил. Боль уже ушла - ушла в одно мгновение, точно также как и появилась. Он почувствовал, что наконец-то обрел то, к чему шел всю жизнь – покой. Именно покоя он, возможно неосознанно, искал с самого рождения. Глаза закрывались сами собой. И тут его мозг озарила очень яркая и четкая мысль: «Я умираю». Тьма вокруг сгущалась все сильнее, а он так и не вспомнил своего имени. Ему казалось, что единственное, что еще противостоит мраку, так это его мысли. Перед тем как мрак закрыл все окружающее от его взора, мелькнула последняя мысль: «Джон частенько говорил, что как бы тяжело не было, всегда есть свет в конце тоннеля... Черт, как же меня зовут?»

Вдруг он вспомнил... Кларк... Кларк Уотсон. Его зовут Кларк Уотсон! И его разум затопила вспышка белого света...

II

Кларк никогда не знал своих настоящих родителей. Он их просто не помнил. Его мать, 18-ти летняя Сессилия Уотсон, скончалась при родах. Она успела лишь увидеть своего новорожденного сына – младенца весом чуть больше четырех килограмм, и уже слабеющим голосом прошептать:

- Кларк... Его имя Кларк Уотсон.

После чего она скончалась от обильного внутреннего кровотечения в клинике небольшого городка, где появилась незадолго до родов, видимо сбежав из дому. Два врача этой клиники, принимавшие роды, даже не пытались ее спасти – у нее не было страховки и родственников, которые бы могли оплатить ее лечение, кроме того, она была наркоманкой, которых оба врача мало, что не одобряли – они их просто ненавидели - так к чему напрягаться и переводить время и медикаменты? Они осмотрели ребенка и, убедившись, что с ним все в порядке, пошли на ланч – им сегодня еще предстояло несколько довольно-таки трудных операций, а потому нужно было подкрепиться и отдохнуть.

Так как за телом никто не пришел, Сессилия была похоронена на кладбище за городской счет. На похоронах не было никого, кроме двух могильщиков. В тот день был жуткий ветер и дождь хлестал как из ведра, а потому они вырыли могилу и небрежно скинули туда гроб, после чего поспешили забросать его землей и отправиться в бар к Джонни, чтобы пропустить по стаканчику.

О том, кто отец ребенка никто, само собой, не ведал. Сессилию никто не знал, зато постоянно видели с разными парнями, которым она была готова отдаться за дозу. Ответ на этот вопрос персонал клиники получил только через две недели после рождения младенца, когда уже оформлялись документы для передачи новорожденного в дом ребенка штата. В клинику пришел двадцатидвухлетний Питер Конелли. Этот парень слыл

алкоголиком (и это в двадцать два года!) и бездельником. Он работал в прачечной у Мэредит Спаркс. Все, что он там зарабатывал, просаживалось на игровые автоматы и выпивку. Пил он много, вот и сейчас перегаром от него несло за полмили, но сам он был трезв, что было довольно-таки удивительно. Он подошел к регистратуре и сказал:

- Привет. Я пришел за своим ребенком.

- Фамилия? – спросила дежурная медсестра.

- Моя или ребенка? – тупо спросил Конелли.

- Разумеется, ребенка, - ответила удивленная медсестра.

- Не знаю, - ответил он, - Уотсон или Конелли... наверное, - добавил он без особого энтузиазма. Медсестра просмотрела журнал новорожденных и нашла фамилию Уотсон.

- У Вас родился сын, - сообщила она Питеру. – Его мать скончалась при родах, но она успела дать ему имя – Кларк.

- Прямо как чертов Кларк Кент, долбаный Супермен, - недовольно буркнул Конелли. – Я могу его увидеть?

- Конечно. Вам придется подождать несколько минут, пока я не позову доктора.

Он готов был ждать хоть сто лет. Ребенок ему нужен был лишь для того, чтобы получать ежемесячное пособие для малоимущих семей с детьми, а потому он готов был пойти на все, лишь бы выйти отсюда со своим сыном и всеми необходимыми документами.

Когда пришел врач, он долго беседовал с Питом, не скрывая своего брезгливого отношения к нему. Он рассказал ему все, что тому нужно было знать об уходе за ребенком и, глядя на то, как этот «чертов хиппи» записывает на клочке бумаги все рекомендации, думал лишь о том, что теперь не нужно будет заниматься бумажной волокитой, связанной с передачей младенца в дом ребенка. После того, как были оформлены все бумаги на отцовство и опеку, довольный Питер Конелли уехал к себе домой на своем мустанге, на переднем сиденье которого лежал и безмятежно спал маленький Кларк. Он даже представить себе не мог, какие испытания уготованы ему судьбой.

III

Забирая ребенка домой, Питер Конелли думал лишь о ежемесячном пособии, которое он будет получать – конечно оно небольшое, но на игру в автоматах и на пару бутылок хватать будет - что еще для счастья надо? Единственное о чем он совсем не думал, так это о тех трудностях, которые так или иначе связаны с появлением в доме ребенка. А потому, приехав домой, он перенес младенца в дом, положил его на кресло и через пять минут уже валялся на кровати, с бутылкой дешевого виски в руке. По мере опустошения бутылки забывались все советы и наставления доктора, забывались проблемы и невзгоды, забывалось все – и Питер Конелли уснул, уронив почти пустую бутылку на пол. Остатки виски вылились на ковер, но никому до этого уже не было дела.

Проснулся Пит от того, что ребенок кричал. Громко и надрывно. Кое-как продрал глаза, он взглянул на часы. Они показывали три часа ночи. Он грязно выругался, кое-как поднялся с кровати и подошел к креслу, на котором оставил Кларка. Он не знал, что нужно делать в таких случаях, а если и знал, то все это уже давно вылетело из его головы. Он не смог придумать ничего лучше, чем взять ребенка на руки и покачать его. Это у него получалось неумело и грубо – отчасти оттого, что он никогда этим не занимался, отчасти потому, что он еще не проспался и был пьян. Сначала маленький Кларк вроде присмирел, но потом разразился еще более громким плачем. Этот плач, стал действовать Питу на нервы. Он увеличил амплитуду движений руками, но и это не помогло – ребенок продолжал истошно кричать. Со злости, Питер швырнул младенца обратно на кресло. Ребенку это дало лишь очередной повод для крика и плача.

В конце концов, плач ребенка вывел Питера из себя. Он взял его за ножку и скинул с кресла на пол. Ребенок затих. Конелли облегченно вздохнул и уже собирался нырнуть обратно в блаженный сон, наваянный алкоголем, как вдруг увидел кровь, которая

растекалась маленькой лужицей вокруг младенца. В ужасе Конелли взял ребенка на руки и осмотрел его. Голова была пробита сзади, в том месте, которым, по всей видимости, ребенок ударился об пол. Из раны текла кровь и еще, что-то серое. Питер в ужасе положил ребенка на свою кровать, кое-как спеленал его одеялом и стал метаться по комнате, кидая в дорожную сумку все, что ему казалось необходимым. Собравшись, он взял младенца и пулей вылетел из дома. Он сел в свой мустанг и так лихо рванул с места, что маленький Кларк Уотсон, чуть было не слетел с переднего сиденья (куда положил его Пит) на пол. Мысли лихорадочно метались у Питера в голове. Он уже видел, как к нему заявляются копы и арестовывают за жестокое обращение с детьми. Но в тюрьму он не хотел, а потому делал то, что первым пришло ему в голову. Он гнал, буквально вжав педаль газа в пол. И лишь доехав до соседнего городка, он сбавил скорость и поехал к больнице. Подъехав к главному входу, он не стал глушить двигатель, а взял ребенка и бегом кинулся внутрь клиники.

Холл больницы был пуст, если не считать дежурной медсестры: больных в такое время суток здесь никогда не было, а ночная смена врачей наверняка сидела в одном из кабинетов в полном составе и пыталась скоротать ночь за игрой в покер. Медсестра на ресепшене дремала. Для Питера Конелли все складывалось как нельзя лучше. Он осторожно, стараясь производить поменьше шума, подошел к ресепшену и положил ребенка прямо на стол перед медсестрой. Потом быстро, но все так же тихо он вышел из больницы, сел в машину и рванул с места. Остановившись у первого телефона-автомата, Конелли вышел из машины, огляделся по сторонам и после этого позвонил в больницу, где он оставил своего сына. Услышав сонное «алло», Питер Конелли повесил трубку. Он сел в машину и уехал под покровом ночи дальше по шоссе.

А в это время удивленная и напуганная медсестра звала на помощь ночную смену врачей. На ее столе лежал младенец, небрежно завернутый в одеяло, к которому была скотчем приклеена записка из четырех слов: «Его зовут Кларк Уотсон». Врачи прибежали на ее крики, и увидев ребенка с его раной, мгновенно отвезли его в операционную. Операция была сложной и продолжалась около шести часов. За это время ребенок потерял много крови и часть серого вещества. На его затылке, на том месте, которым он ударился при падении с кресла, навсегда осталась глубокая вмятина. Когда все уже было позади хирург, проводивший операцию, с сожалением сказал:

- И у кого только рука поднялась на такую крошку. Теперь он на всю жизнь скорее всего будет недоразвитым. Знал бы, кто такое сотворил - лично подвесил бы за яйца. Будь он проклят, кем бы он не был

И бригада врачей, помогавших ему, понимающе и с сожалением закивали. С ребенком действительно обошлись жестоко, но вряд ли кто-нибудь из них когда-нибудь узнает, кто это сделал.

Впрочем, проклятие врача отчасти настигло Питера Конелли. Через месяц после того, как он подбросил своего сына в больницу, его нашли в придорожной канаве в двухстах милях к северу. Ему нанесли порядка тридцати колотых ран, а его лицо было порядком изрезано, то ли ножом, то ли еще чем-то острым и определить личность помогли лишь права на имя Питера Конелли. Приехавшие копы решили, что его зарезали местные наркоманы (скорее всего ради денег или машины), а так как их было полно в округе, дело быстро закрыли и отправили в архив.

IV

Со времени описываемых событий прошло тринадцать лет. За все эти годы Кларк Уотсон вырос и превратился в физически развитого подростка. Благодаря своему росту и ширине плечей он казался старше своих лет. Темные каштановые волосы закрывали единственное, что связывало его с прошлым – глубокую вмятину на затылке. Впрочем,

Кларк не помнил, откуда она взялась, и когда кто-нибудь из детей спрашивал его об этом, он лишь пожимал плечами.

После того как он его рана зажила, врачи клиники отправили его в дом ребенка штата, где он жил до того момента, как ему исполнилось три года. После этого его определили в один из детских домов штата для детей с умственными отклонениями, где он рос, учился и жил до сих пор. Как и предсказывал хирург, делавший ему операцию, Кларк отставал в развитии. Даже от тех детей, которые жили в одном приюте вместе с ним. Само собой это сказывалось на их отношении к нему. Они часто дразнили его уродом, тупицей и «дырявой башкой», прекрасно зная, что не смотря на свои габариты, он ничего им не сделает. У Кларка Уотсона было мягкое сердце. Он лишь печально улыбался каким-то своим мыслям и уходил куда-нибудь побродить в одиночестве.

У него совсем не было друзей, никто никогда не звал его поиграть с ними. Все сторонились его либо из страха перед его силой, либо из-за вмятины на его затылке. А потому он все сильнее страдал от одиночества и недостатка внимания. Но вскоре судьба состыковалась над ним. У Кларка появился друг.

Звали его Джон Уистлер. Это был слабый, худенький паренек, на год старше Кларка, который никогда не умел за себя постоять. Он носил очки, которые ему постоянно приходилось поправлять, потому что они съезжали на нос. Он был таким же замкнутым, как и Кларк, а потому с ним тоже редко, кто общался – все чаще били. Зато он хорошо учился. По крайней мере лучше остальных. Он всегда получал балл выше среднего: и на математике, и на английском, и на остальных предметах.

Кларку же точные науки давались с трудом. Но больше всего он не любил арифметику. Ее вел директор приюта, которого дети за глаза прозвали Закон. Он был строг и за любую провинность наказывал своих подопечных. В его глазах провинности детей делились на две категории: сильные провинности и очень сильные. За первые он мог поставить в угол на несколько часов кряду. За вторые нещадно порол деревянной палкой. К провинностям Закон относил и неуспеваемость, а потому Кларку частенько от него доставалось. Когда Джону Уистлеру надоело постоянно ходить побитым, он подошел к Кларку Уотсону и предложил ему сделку: он будет делать за Кларка домашнюю работу по арифметике, а также помогать писать контрольные и самостоятельные работы, а Кларк в свою очередь будет защищать его ото всех, кто посмеет, до него дотронуться. Кларк согласился и с этого момента они стали друзьями.

Однажды, примерно после трех недель их дружбы, произошло событие, укрепившее их веру друг в друга. Закон разгадал их договоренность. Он заметил слишком правильные ответы ученика, не слишком способного к арифметике. Точнее совсем не способного. Этим учеником был никто иной, как Кларк Уотсон. Но разгадав, что ему кто-то помогает Закон не подал и вида, а через три недели устроил контрольную, которую Кларк, разумеется, провалил, так как Джон Уистлер и еще около пяти ребят чем-то отравились во время поездки в город и теперь находились в ведении детдомовского врача. На следующий день после этой контрольной Закон вызвал Кларка к себе в кабинет и стал допытываться у него, кто ему помогает. Кларк не сказал. Даже когда Закон пригрозил ему палкой, а затем привел свою угрозу в исполнение. После этого Кларк неделю не мог спать на спине, но единственного друга не выдал, прекрасно понимая, несмотря на всю свою тупость, что это может положить конец их дружбе.

Когда он все рассказал Джону, тот поблагодарил его и предложил отомстить Закону. Как? Неважно! Главное отомстить. Если надо подождать более удобного момента – подождем. Идея Кларку понравилась. Даже очень. И они принялись ждать. Точнее ждал Кларк, а Джон в это время искал способа мести.

Еще через пару дней Джон отозвал Кларка в сторону во время прогулки и рассказал ему свой план. Кларк улыбнулся, представив, как все это будет в действительности, и согласно кивнул. До непосредственного осуществления плана у них была неделя. За это время нужно было совершить все необходимые приготовления.

Через неделю Закон, как обычно, вошел в класс для того, чтобы провести урок арифметики. И как всегда в этот день недели на нем были белые брюки. Класс поприветствовал его, и он прошел за свой стол. И как всегда сел на стул. Через несколько секунд он вскочил с него как ошпаренный. На мягком сиденье стула выступило жирное пятно от яичного желтка (который был введен туда накануне с помощью шприца, украденного из медпункта). Как и на его безупречно белых штанах. Класс грохнул от хохота, а Закон, сильно покраснев, выскочил за дверь. После этого он, разумеется, пытался узнать, кто виновен в этом. И даже заподозрил Кларка, но никаких доказательств у него не было и наказания не последовало. А еще он почти месяц не садился в свое кресло на уроках. Кларк был отомщен с лихвой.

Вообще жить в детдоме Кларку нравилось, по крайней мере *здесь* ему было все понятно. Однажды, когда ему впервые позволили отправиться в город вместе с Джоном, их радости не было конца. Весь вечер накануне поездки они предвкушали, как они вместе поедут в город и расписывали друг другу то, на что они потратят все заработанный деньгами (воспитанникам детдома позволялось подрабатывать косильщиками лужаек, уборщиками снега в самом приюте, за что им и платили по доллару и тридцать центов в час). Но стоило им приехать в город, как Кларк настолько растерялся и запутался во всем, что его окружало или, что происходило с ним, что больше он никогда не ездил в город – он не понимал людей, вне стен приюта.

Так он и жил пока однажды его жизнь координально не изменилась вследствие двух событий: умер Джон Уистлер и его забрала из детдома семья фермеров.

V

Джон умер через два года после их знакомства осенью. От пневмонии. Врач детдома, к которому обратился Джон, заподозрив, что он заболел, поставил диагноз ОРЗ. А оказалось, что это пневмония. На похоронах присутствовали все дети (большая часть из них пришли туда из интереса – это были первые похороны, при которых они присутствовали). Кроме Кларка. Он не хотел признаваться себе в том, что его друга больше нет. Когда осознание этого, все-таки настигло его – он заплакал. Тихо в подушку. Впервые в жизни. После похорон он две недели ни с кем не разговаривал. Просто сидел молча на своей кровати, когда приходило время – шел на приемы пищи, и снова возвращался на свою койку.

Через две недели его вызвал к себе Закон. Когда Кларк вошел в его кабинет, то увидел мужчину и женщину, сидящих в креслах напротив Закона.

- Это он? – спросил мужчина.

- Да, - ответил Закон.

- Выглядит он не очень умным, - с видом покупательницы в магазине, обсуждающей какую-нибудь модную шляпку, сказала женщина.

- Зато он физически хорошо развит, - ответил Закон. – Поверьте, лучшего работника вам не найти.

- Да уж, силен он дальше некуда, - ответил мужчина. – Думаю, он нам подойдет.

- Спасибо, мистер Уотсон, - сказал Закон. – Вы свободны. Завтра эти господа заедут за Вами и Вы покинете нас.

Так и не сказав ни слова, Кларк вышел из кабинета директора и пошел собирать свои вещи. Он был крайне удивлен таким обращением к себе, а также очень взволнован предстоящим переездом.

На следующее утро он стоял у ворот приюта и ждал. Наконец на дороге послышался звук двигателя. Кларк Уотсон в последний раз оглянулся на тот дом, в котором он провел всю свою сознательную жизнь и без сомнений забрался в кузов пикапа. Когда пикап отъехал на пятьсот метров, у Кларка возникло ощущение, что он никогда больше не увидит этого места. И он не ошибся.

VI

На ферме у семьи Смитов Кларку приходилось не легко, но он не роптал. Ежедневно он поднимался в пять утра, чтобы покормить скот. Затем, если в этом была необходимость, он косил траву или убирал снег, в зависимости от времени года. А если такой необходимости не было, то он просто ждал, когда миссис Смит позовет его, чтобы он принес воду. Когда он возвращался к себе в комнатушку, которую мистер Смит обустроил для него на втором этаже сарая с инструментом, то там его всегда ждал завтрак. Не очень сытный, но все же лучше, чем в приюте. Затем он выполнял все, что ему ни поручало семейство Смитов. Иногда, если он очень туго соображал или делал что-то не так, мистер Смит отвешивал ему оплеуху или даже порол кожаным ремнем. Но наказания на ферме, были куда реже, чем в том же приюте, а потому Кларк не жаловался на жизнь.

Единственное, что..., а точнее кто ему не нравился, так это был сын Смитов. Его звали Джек, и он с самого первого дня пребывания Кларка на ферме не упускал ни одной возможности, чтобы не пнуть, не отвесить оплеуху или не обзвать Кларка. Он издевался над Уотсоном по поводу и без повода и никто, никогда за него (Кларка) не заступался. Кларк воспылал такой ненавистью к этому подростку, который был одних с ним лет, что, если бы мог, избил бы его до полусмерти. Или насмерть. Часто, лежа ночью в постели, он представлял, как бьет этого ублюдка по наглой морде, бьет без остановки. И это приносило ему некоторое успокоение. Но следующий день Джек придумывал новую издевку и все повторялось снова. Кларку ничего не оставалось, как только с ненавистью смотреть на него. Хотя он был уверен, что если бы он мог прожигать взглядом дыры, как тот парень из комикса «Люди Икс», который он однажды читал, то от Джека Смита давно остались бы одни дырки... Или вообще пустое место. Но Кларку оставалось только терпеть.

VII

Прошло уже полгода с тех пор как Кларк жил на ферме Смитов. За это время ничего не изменилось. Смиты продолжали относиться к нему как к части интерьера или как к лопате, например. А Джек Смит продолжал ежедневно издеваться и поддевать его. И вдруг в один из дней Джек успокоился. С самого утра от него прямо-таки веяло вежливостью, заискиванием и уважением. Кларк вздохнул с облегчением. Весь день он спокойно делал работу по дому. Уже перед ужином к нему подошел Джек и, как показалось Кларку, чуть смущенно, сказал:

- Кларк, мне очень стыдно за то, что я издевался над тобой. Я хочу искупить свою вину, - он замялся, как бы размышляя, стоит ли делать предложение, решился. – Сегодня мы с друзьями хотим поехать покататься к старому тоннелю на южной окраине. Поехали с нами!

Кларк чуть замялся. Но согласился, сделать этот шаг «во имя примирения», как выразился Джек. И они поехали. Джек, трое его друзей и Кларк. Как и обещал Джек, они поехали на южную окраину города. К въезду в старый тоннель протяженностью около трех километров, через который ходили пригородные поезда. Приехав туда, ребята вывалили толпой из машины, достали из багажника пиво, включили музыку и стали развлекаться. Кларк старался быть таким как все, смеялся вместе со всеми. Он пробовал выпивку впервые и его быстро «накрыло». Несколько раз мимо них на огромной скорости проезжали поезда, и каждый раз ребята что-то кричали, свистели.

Вдруг в самый разгар веселья ребята стали как-то странно посматривать на Кларка. Он почувствовал себя неудобно. С нехорошей улыбкой к нему подошел Джек и сказал, что поспорил с парнями, что Кларк сможет долго бежать впереди паровоза. Кларк понял, что это шутка. Он не понял всей подоплеки и улыбнулся. И тут же получил поддых. Удар был

неожиданным и коварным. Кларк согнулся пополам, а четверо подростков налетели на него и с криками: «Получай, выродок! Сдохни, тупой ублюдок! Урод!». Они били его пока он не упал, а потом, уже лежащего пинали ногами и хохотали как сумасшедшие, наслаждаясь его страданиями, болью и ужасом. С разбитого лица на пыльную дорогу капала кровь. Кларк пытался защититься, подняться на ноги и хотя бы ответить на удары ударом, но ему не давали даже двинуться – удары сыпались на него со всех сторон.

Наконец ему удалось схватить чью-то ногу и повалить одного из подростков на землю. Он перекатился по земле и кинулся в сторону тоннеля. Сзади его преследовали его мучители. Он уже забежал в спасительную тьму тоннеля и продолжал бежать все дальше и дальше, когда рядом с его головой, вдруг просвистел первый камень. Потом они накрыли его, как ливень накрывает поля пшеницы. Они попадали по его голове, телу, ногам. Он не единожды падал и поднимался вновь, бежал все дальше и дальше, пытаясь спрятаться и укрыться во тьме. Наконец его преследователи стали отставать, а потом шум за спиной вообще стих. Кларк остановился, пытаясь отдышаться. Через какое-то время ему это удалось и он дал волю своим чувствам. Он рыдал. Рыдал навзрыд. Доверившись людям, он предал самого себя. Тут же ему в голову пришла спасительная мысль – это был шанс уйти от Смитов, от Джека с его друзьями, ото всех невзгод. Он дойдет до другого конца тоннеля и там будет новая жизнь. Жизнь без боли и издевательств. Там будет все так, как он захочет. Он поднялся и пошел (и откуда только силы взялись?!), все еще всхлипывая на ходу, но уже успокоившись. Еще в приюте Джон часто ему говорил, что в конце тоннеля всегда есть свет и теперь он шел к этому свету, оставляя позади все то, что называлось одним словом – Зло... Слезы уже высохли и на его лице играла улыбка.

Когда через десять минут он увидел впереди яркий свет, то не задумываясь кинулся к нему навстречу, навстречу своей новой и куда более радостной, чем прежняя, жизни. Вот он, тот свет в конце тоннеля, приносящий счастье и новую жизнь! Кларк Уотсон даже не задался вопросом, почему это свет так быстро несется навстречу ему и почему по тоннелю разносится такой громкий звук, напоминающий звук кипящего чайника, со свистком на носике...

Когда он понял, что это электричка было уже слишком поздно.